

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 4 (16)

2023

К. Е. Нетужилов

**Православная Церковь как информационный ресурс
Российской империи**

УДК 94(470+571)+271.2-475-9
DOI 10.47132/2587-8425_2023_4_64
EDN NLJSTG

Аннотация: Изменение ценностных ориентиров, происходившее в России в результате реформ Петра I, требовало от государственной власти постоянной информационно-пропагандистской поддержки. Наиболее эффективным инструментом прямого социального воздействия в масштабах страны в течение XVIII–XIX вв. являлась Православная Церковь. Разъяснение тех или иных государственных задач в форме панегирической проповеди, чтение Высочайших манифестов и указов доступным для слушателей языком и с понятной им системой образов с амвона церкви являлось важнейшей составляющей идеологической политики Российской империи.

Ключевые слова: Православная Церковь, Российская империя, панегирическая проповедь, Высочайший манифест.

Об авторе: **Константин Евгеньевич Нетужилов**

Доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

E-mail: Konstnet@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0182-6344>

Для цитирования: Нетужилов К. Е. Православная Церковь как информационный ресурс Российской империи // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 4 (16). С. 64–70.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 4 (16)

2023

Konstantin E. Netuzhilov

**The Orthodox Church as an Information Resource
of the Russian Empire**

UDC 94(470+571)+271.2-475-9
DOI 10.47132/2587-8425_2023_4_64
EDN NLJSTG

Abstract: The change in value orientations that took place in Russia as a result of the reforms of Peter I required constant information and propaganda support from the government. The most effective tool of direct social impact on a national scale during the 18–19th centuries was the Orthodox Church. The explanation of certain state tasks in the form of a panegyric sermon, the reading of the Imperial manifestos and decrees in a language accessible to listeners using a system of images understandable to them from the pulpit of the church was the most important component of the ideological policy of the Russian Empire.

Keywords: Orthodox Church, Russian Empire, panegyric sermon, Supreme Manifesto.

About the author: **Konstantin Evgenievich Netuzhilov**

Doctor of Philological Sciences, Professor at the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.

E-mail: Konstnet@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0182-6344>

For citation: Netuzhilov K. E. The Orthodox Church as an Information Resource of the Russian Empire. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2023, no. 4 (16), pp. 64–70.

* Photos are taken from open sources.

Преобразование Московского государства в Российскую империю стало закономерным итогом всего комплекса преобразований, совершившихся в царствование Петра I. Россия стала частью европейского политического и культурного пространства, что подразумевало принципиальное изменение прежних ценностных ориентиров, провозглашаемых от имени государства. Так как абсолютизм императорской власти противоречил традиционным теократическим установкам, характерным для Московской Руси, Петру I приходилось последовательно проводить в жизнь идею полного подчинения Церкви государству, строжайшего разделения светской и духовной власти. Новая система координат предполагала приоритет имперской идеологии над религиозными постулатами. По сути дела, создавался новый культ, в центре которого находилось государство. Величие государства становилось главной целью, а обществу отводилась роль средства для ее достижения. Таким образом начиналось формирование новой российской идентичности, в которой государство (логично воплощаемое в личности императора) получало сакральное значение. В этой системе религиозные ценности неизбежно ставились на службу государству, что усиливало и без того болезненный для общества характер трансформации картины мира. Эта политика требовала не только систематического насилия, но и серьезной информационно-пропагандистской поддержки, для которой был необходим самый разнообразный инструментарий. Причем не только использование этого инструментария, но и само его создание в условиях России являлось составной частью процесса модернизации страны.

В России XVIII–XIX вв. общий уровень грамотности крестьянского населения долго оставался катастрофически низким по сравнению с европейскими странами. Это обстоятельство служило препятствием для формирования культуры повседневного потребления светского печатного слова, что в свою очередь тормозило создание ориентированной на социальные низы системы периодических изданий. Таким образом, по сути, единственным инструментом прямого социального воздействия в этой ситуации могла быть только церковная проповедь, теоретически доступная для устного восприятия максимальному количеству людей. Вследствие этого главным и по настоящему эффективным проводником государственной идеологии чисто технически в это время могла служить только церковь. Разъяснение тех или иных государственных задач с амвона церкви, доступным для слушателей языком и с использованием понятной им системой образов стало важнейшей составляющей идеологической политики Российской империи. При этом сама церковь приобретала дополнительную функцию государственного медийного ресурса.

Уже начиная с петровского времени на иерархию возлагалась утилитарная государственная задача, обаявавшая наполнить ее речь «чисто гражданским содержанием»¹. Проповедничество (не в собственно церковном, а в прикладном пропагандистском варианте) чрезвычайно поощрялось самим Петром I, который стремился не только юридически оформить важнейшие преобразования, но и добиться их оправдания, объяснить подданным их объективную необходимость. В результате появился специфический жанр так называемых «Слов» торжественного и панегирического характера, прославляющих успехи и оправдывающих действия государственной власти. А. М. Панченко, характеризуя смысл происходивших изменений, констатировал, что в это время «проповедник начинает писать слова по указу и заказу, а сама церковная проповедь переходит в пространство социальное»².

Начиная с Петра I российские самодержцы старались подкрепить торжественным «Словом» каждое значительное событие, прямо указывая конкретные темы и даты авторам. Принципиальное отличие панегирической проповеди петровского времени заключалось в ее близости к общеевропейскому типу словесной культуры. Проповедь перестала быть анонимной, большое значение приобрела

¹ Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 215.

² Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 112.

индивидуальная личность автора, его кругозор и литературные дарования. В содержательной части такой проповеди отныне доминировал светский характер, в центре внимания теперь находились не отвлеченные ценности духовно-нравственного направления, а конкретные сюжеты внешней и внутренней политики. Проповедь произносилась в торжественной обстановке храма, превращаясь в восприятии слушателей в литургический элемент. Благодаря такому синтезу достигался своего рода кумулятивный эффект восприятия. То или иное событие государственной или придворной жизни, ранее маловажное с точки зрения христианского мироощущения, получало в этой обстановке новое значение. Панегирическая проповедь обязательно предназначалась для тиражирования. Таким образом существенно расширялась ее аудитория, не ограничиваясь кругом лиц, слушавших ее в момент произнесения автором в церкви. Тексты особо важных проповедей издавались (подчас достаточно массовыми тиражами) и исключительно гражданским шрифтом и рассылались по епархиям с указанием обязательно прочтения в приходских храмах. Таким образом создавалось обширное медийное пространство, в котором Церковь играла роль основного коммуникатора между властью и населением страны.

Высокая степень ответственности, возлагавшаяся на автора такой проповеди, требовала соответствующей квалификации. Поэтому на протяжении почти всего XVIII столетия панегирическое проповедничество оставалось делом достаточно узкого круга просвещенных иерархов. Авторство большинства сохранившихся первых панегирических «Слов» принадлежит митрополиту Стефану (Яворскому), архиепископам Феофану (Прокоповичу), Феофилакту (Лопатинскому) и епископу Гавриилу (Бужинскому). С другой стороны, сама проповедь такого рода, являясь атрибутом высокой учености, демонстрировала слушателям потенциал автора, возвышала его авторитет в глазах царя и его окружения.

Панегирическая проповедь оказала заметное воздействие на формирование светских жанров. Она стала основой для пришедшей ей на смену торжественной оды, расцвет которой приходится на середину – вторую половину XVIII в. Следы панегирической проповеди хорошо просматриваются в одах Тредиаковского, Кантемира, Сумарокова, Ломоносова и Державина.

Стилистические элементы панегирической проповеди просматриваются в Высочайших манифестах и указах, предназначенных для обнародования, а также в воззваниях Св. Синода издававшихся в связи с различными чрезвычайными обстоятельствами, требующими решительной социальной мобилизации. Известный в 1860–1870 гг. церковный публицист протоиерей Александр Розанов по этому поводу констатировал: «В делах, например, государственных первой важности – в делах, где правительство мощную свою силу создает как бы несостоятельно и нуждается в пособии другой силы, – оно обращается к содействию священников»³.

Ярким примером использования Церкви в качестве социально-ориентирующего медийного ресурса, призванного максимально усилить идеологическое воздействие на население страны может послужить период наполеоновских войн. Указом императора Александра I от 6 декабря 1806 г. Св. Синоду прямо предписывалось организовать широкую информационно-пропагандистскую кампанию с разъяснением целей войны и общественной мобилизации. Указ содержал четкую инструкцию: «Мы призываем Святейший Синод предписать всем местам и чинам, ему подвластным, дабы градские и сельские священники в настоящих обстоятельствах, при образовании земского ополчения усугубили ревность свою ко внушению своим прихожанам, колик ополчение сие для спасения Отечества необходимо, что не искание тщетной славы, но безопасность наших пределов, безопасность Отечества... влагает им в руки оружие»⁴. Уже 15 декабря 1806 г. последовало специальное объявление Св. Синода,

³ Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства // Русская старина. 1880. № 1. С. 41.

⁴ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. II. Приложения. С. 353.

Василий Перов. «Проповедь в селе», 1861. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея

читаемое во всех храмах империи, в котором Наполеон представлялся в качестве отступившегося от Бога гонителя христианской Церкви и «неистовый враг мира и благословенной тишины». Позже по епархиям была разослана для ежедневного чтения в церквях брошюра «О победе на супостаты христоименитому воинству»⁵.

Эта практика получила дальнейшее развитие с началом войны 1812 г. Манифест императора Александра I от 6 июля 1812 г. и последовавшее за ним воззвание Св. Синода от 15 июля 1812 г., читавшиеся во всех храмах России в воскресные и праздничные дни перед началом литургии. На их основе были созданы десятки проповедей, обращенных к армии, ополчению и народу. По стране рассылались для прочтения духовенством прихожанам яркие проповеди митрополита Амвросия (Подобедова) и епископа Дмитровского Августина (Виноградского). В мемуарной литературе можно найти подтверждения их существенного пропагандистского воодушевляющего эффекта. Например, ростовский городской голова М. И. Маракуев отмечал в своих «Записках», что эти обращения «чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Святейшего Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истиною»⁶.

В таком же ключе был составлен и Высочайший манифест императора Александра I от 7 января 1813 г. об окончательном изгнании неприятеля из пределов России. Этот документ был фактически включен в литургический год — в течение следующих ста лет (вплоть до 1917 г.) он ежегодно зачитывался во всех храмах страны.

⁵ Там же. С. 354–356.

⁶ Записки Маракуева // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 36

Всеобщее общественное воодушевление 1812 г. власти неоднократно пытались воспроизвести по другим поводам. Так, например, после оглашения манифеста Николая I «О войне с Оттоманскою Портою» от 20 октября 1853 г., фактически ознаменовавшим начало Крымской войны, с большой публичной речью выступил один из самых ярких проповедников этого времени архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов). В своей речи он оперировал той же системой образов, что и авторы проповедей 1812 г., придавая начавшейся войне характер религиозного противостояния. В дальнейшем, в ходе Крымской войны, им были произнесены десятки торжественных слов и речей, которые публиковались на страницах «Христианского чтения» или в виде отдельных листков, рассылаемых по епархиям для чтения пастве. В них объяснялся смысл происходящих событий, внушалось спокойствие и преданность властям.

В Манифесте императора Николая I от 14 марта 1848 г. о событиях в Западной Европе отчетливо просматриваются те же характерные стилистические конструкции. «По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших. <...> С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!»⁷

Нетрудно заметить, что стилистика текстов Высочайших манифестов формировалась в результате значительного воздействия проповеднических речевых ресурсов. Прежде всего, это обширная цитация Св. Писания – в виде включения в текст прямых цитатных отрывков, в употреблении библейских крылатых выражений и т. п. Связь между церковной проповедью и текстами Высочайших манифестов прослеживается и в широком применении в последних церковной лексики и фразеологии церковнославянского происхождения. Сближает Высочайшие манифесты с проповедью и стремление максимально усилить эмоциональное воздействие на аудиторию.

Практически все серьезные мероприятия государственной власти в XVIII–XIX столетиях обеспечивались информационной поддержкой благодаря широкому привлечению приходского духовенства. Например, во время эпидемии чумы в 1771 г. в специальном указе Екатерины II от 11 октября «Об учреждении Комиссии для предохранения и врачевания от моровой заразной язвы» содержалось отдельное требование к правящим архиереям Московской, Владимирской, Тверской, Переяславской и некоторых других епархий. Им вменялось в обязанность «поручить по церквям чтение составленных Синодом молитв, а также манифеста о прилипчивой болезни, а также приложенные от Сената пункты, какие брать осторожности»⁸.

Уже упоминавшийся выше протоиерей Александр Розанов замечательно описал механизм низового взаимодействия представителей исполнительной власти и Церкви для оглашения населению важнейших государственных решений (в данном случае – Манифеста 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права). «В марте 1861 г. ко мне приехали из города от уездного исправника с требованием, чтобы я немедленно приезжал к нему в город для объявления по селам высочайшего Манифеста об улучшении быта крестьян, находящихся в помещичьей зависимости. При отношении исправника был приложен и указ консистории, которым предписывалось мне, как благочинному, находиться при священниках в качестве наблюдателя при чтении ими в церквях высочайшего Манифеста. Я тотчас же с этим же чиновником поехал. С исправником мы были коротко знакомы давно. <...> В городе мы тотчас принялись с ним вместе читать Положение о крестьянах, так как его не читал и исправник. На другой день, утром рано, мы поехали с ним в первое ближайшее к городу село. Становые пристава, сотские и десятские оповестили уже крестьян всех деревень этого прихода, чтобы они утром рано все были в церкви»⁹.

⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1849. Т. 23: 1848 г. Отделение первое. № 22087. С. 182.

⁸ Полное собрание законов Российской Империи. [Собрание первое]. СПб., 1830. Т. 19. С. 329.

⁹ Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства... С. 43–44.

Церковь продолжала оставаться важнейшим информационным ресурсом Российской империи вплоть до крушения последней. Последние эпизоды использования приходских храмов в качестве средства оповещения населения о важнейших событиях в жизни страны приходятся на весну-лето 1917 г. Определением Св. Синода № 1207 от 6 марта 1917 г. предписывалось во всех храмах страны прочесть прихожанам акт об отречении Николая II за себя и за сына и о сложении с себя верховной власти, а также акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти вплоть до установления в Учредительном собрании образа правления в стране. Определением предписывалось «объявить во всех православных храмах, в городских – в первый по получении текста сих актов день, а в сельских – в первый воскресный или праздничный день, после Божественной литургии, с совершением молебствия Господу Богу об утешении страстей, с возгласением многолетия богохранимой державе Российской и благоверному Временному Правительству»¹⁰. В этом можно усмотреть определенный символизм момента – последний торжественный акт империи и последнее оглашение документа государственного происхождения с церковного амвона. Впрочем, со стороны Временного правительства была по крайней мере одна попытка воспользоваться наработанным механизмом в утилитарных целях. В марте-апреле 1917 г. приходское духовенство согласно определению Св. Синода было обязано призывать прихожан к подписке на правительственный «Заем Свободы»¹¹. Это стало последним зафиксированным нами эпизодом церковно-государственного информационного сотрудничества.

Источники и литература

1. *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.
2. Записки Маракуева // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 21–41.
3. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства // Русская старина. 1880. № 1. С. 39–78
4. Определение Св. Синода № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 марта 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 9. С. 58.
5. Определение Св. Синода № 1893 «О содействии со стороны духовного ведомства успешному распространению «Займа Свободы 1917 года» // Церковные ведомости. 1917. № 15. С. 70.
6. *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 112–128.
7. Полное собрание законов Российской Империи. [Собрание первое]. Т. 19. СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 23. СПб., 1849.
9. *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1897.

¹⁰ Определение Св. Синода № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 марта 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 9. С. 58.

¹¹ Определение Св. Синода № 1893 «О содействии со стороны духовного ведомства успешному распространению «Займа Свободы 1917 года» // Церковные ведомости. 1917. № 15. С. 70.